

Вопрос о престолонаследии, остававшийся нерешенным долгие годы, наконец разрешился: выбор пал на второго принца, Чу Ичэна. На следующий же день после того, как князь Цзин прибыл во дворец, дабы выразить государю свою благодарность, он переехал в Восточный дворец. Отныне судьба государства была определена.

Астрономический приказ выбрал благоприятный день. Двадцатого числа восьмого месяца император огласил указ: «С начала мирной эры династия Чу правит по воле Небес. Ныне же, дабы укрепить устои государства, мы учреждаем престолонаследие. Наш законный сын Ичэн, одаренный небесными талантами, величием духа и выдающимися добродетелями, согласно священным обрядам, жалуется регалиями и возводится в сан наследного принца. Да займет он Восточный дворец во благо процветания...»

«Супруга князя Цзина из рода Вэй, издревле славящаяся благонравием, скромностью и кротким нравом, возводится в сан наследной принцессы...»

На этом многолетнее противостояние у трона наконец завершилось. В этой затянувшейся незримой битве династия Чу лишилась старшего принца и еще троих сыновей императора, однако престол в итоге достался тому, кто подходил для него лучше всех.

Накануне провозглашения наследника престарелый император, вздохнув, признался Лин Чунью:

— Старый соратник, знаю, ты держишь на меня обиду... Ты ведь когда-то был наставником четвертого. Винишь меня за то, что я лишил его жизни?

Лин Чунью почтительно склонил голову:

— Четвертый принц замыслил мятеж, совершив тягчайшее преступление. Ваш покорный слуга не смеет таить в сердце недовольство.

Император смахнул набежавшую слезу:

— А что мне оставалось делать? Разве мог я разделить Поднебесную на уделы и раздать сыновьям? Ведь мы в свое время подняли восстание именно ради того, чтобы этого избежать... Все они — моя плоть и кровь, мое сердце разрывалось от боли. Но иного пути не было. Ичэн крепок духом: он беспощаден к врагам и милостив к народу. Старый друг... кого еще мне выбирать? Пусть будет он. Если бы я не принял решение теперь, то не уберег бы и пятого.

Лин Чунью видел, как росли эти дети. Император намеренно стравливал наследников, желая, чтобы престол занял сильнейший — тот, кто закалится в горниле междоусобиц. И хотя старый маркиз не одобрял подобных жестоких методов, ему приходилось признать: этот беспощадный отбор действительно выявил истинное золото. Оставшийся невредимым второй принц обладал поистине редким талантом правителя.

Старый правитель сидел на кане, поджав под себя ноги. Глядя на собравшихся в покоях верных соратников, с которыми когда-то плечом к плечу пробивал путь сквозь тернии к величию, он невольно предался воспоминаниям:

— Сколько же лет прошло... Ну ладно, пусть все так и остается. Возвращайтесь по домам, братья, в эти дни вы изрядно натерпелись. Велю выдать каждому по золотому слитку — ступайте да считайте свое богатство.

Старые сановники невольно улыбнулись. Им вспомнились худшие времена восстания, когда Чу Лунфэн, разделяя с ними черствые сухие лепешки, со смехом обещал: «Вот разбогатеет — одарю каждого золотыми слитками, по сотне в руки! Будем каждый день пировать, пить вино да есть мясо до отвала!»

Прошлое оживало в памяти, согревая сердца. Вспоминая былые сражения за Поднебесную, генералы и советники тепло улыбались. Почтительно поблагодарив за щедрую награду, они один за другим разошлись по домам.

Вернувшись в поместье маркиза Шоукан, старый господин Лин, едва взглянув на Лин Сяо, по его глазам понял: юноша уже обо всем догадался. Старик одобрительно улыбнулся и кивнул:

— Немедля подготовь щедрые дары и отправляйся в дом своего дяди, дабы принести поздравления.

На третий день после торжественной церемонии новоиспеченная наследная принцесса Вэй Хуа прислала евнуха с повелением Лин Сяо, его брату и сестрам явиться во дворец. Госпожа Ши поспешно достала парадные одежды и помогла детям облачиться. Тетушка Ся, лелея тайные надежды, приложила все силы, чтобы нарядить свою дочь Лин И как можно изысканнее. Вскоре вся компания в сопровождении прибывших из дворца евнухов и придворных дам заняла места в экипажах. Миновав многочисленные заставы и стражников, кареты въехали в Восточный дворец.

Наследная принцесса приняла их в главном зале. Несколько лет назад, когда борьба за престол обострилась до предела, Вэй Хуа была вынуждена прервать всякое общение с семьей Лин. В поместье маркиза тетушка Ся и Лин И тогда втайне злорадствовали, насмехаясь над тем, что княгиня Цзин, дескать, взлетела слишком высоко и знать не желает бедных родственников. Однако даже Лин Жусюэ и Лин Сюань понимали истинную причину: тетушка оберегала их от возможной гибели, ведь поражение князя Цзина неминуемо повлекло бы за собой плаху для всей его родни. Теперь же, когда буря улеглась, наследная принцесса поспешила созвать детей семьи Лин к себе.

Со дня кончины своей младшей сестры Вэй Чжуан наследная принцесса питала глубокую нежность к двум оставшимся сиротам. На каждый праздник она отправляла им щедрые подарки и сама частенько навещалась в поместье маркиза Шоукан. В последние годы, боясь, что неудача супруга погубит племянников, она не смела видаться с ними, отчего тоска в ее сердце лишь росла.

Четверо детей семьи Лин вошли в зал и склонились в почтительном поклоне. Наследная принцесса поспешила поднять их. Она долго и пристально вглядывалась в их лица, пока глаза ее не наполнились слезами.

— Это ведь Сяо-эр?.. А это, должно быть, Чжи-эр... — проговорила она прерывающимся от волнения голосом. — Как же вы выросли! Подойдите, дайте вашей тетушке взглянуть на вас поближе.

Лин Сяо и Лин Чжи послушно сделали шаг вперед. Принцесса обняла девочку за плечи, а свободной рукой притянула к себе юношу. Глядя на черты их лиц, столь неуловимо напоминавшие покойную сестру, она больше не могла сдерживать слез.

— Ваша матушка покинула этот мир слишком рано, — всхлипнула она, — а я в эти тяжелые годы даже не могла быть рядом, чтобы позаботиться о вас...

Лин Чжи тоже растрогалась до слез. По-детски нежно она достала платочек и принялась бережно промакивать глаза тетушки.

— Я так долго не видела вас, тетушка, — послушно зашептала она. — Но я храню тот маленький мешочек для благовоний, что вы когда-то вышили для меня...

Принцесса поплакала еще немного, а затем, утерев слезы, тихо вздохнула:

— Славное дитя... Отныне, как только соскучишься, сразу приходи ко мне. Можешь даже пожить здесь какое-то время. А Сяо-эр и впрямь возмужал, лицом стал еще краше.

Лин Сяо с мягкой улыбкой склонил голову:

— Ваше Высочество изволит шутить, вы слишком добры ко мне.

Принцесса на мгновение замерла, а затем ласково сжала его ладонь:

— Полно тебе. Здесь нет чужих, зови меня просто тетушкой, как в прежние времена. Неужто за эти годы мы успели стать друг другу чужими?

Лин Сяо прекрасно помнил все благодеяния, которые она оказывала им с сестрой в детстве, поэтому тотчас исправился:

— Тетушка...

Наследная принцесса радостно улыбнулась. Она принялась расспрашивать Лин Чжи об одном,

затем Лин Сяо о другом, то довольно улыбаясь их ответам, то вновь сокрушенно вздыхая. В этой нежной суете она совершенно позабыла о Лин Сюане и Лин И, которые по-прежнему неподвижно стояли посреди зала.

Лишь вдоволь натешившись лаской с племянниками, принцесса успокоилась. Промокнув уголки глаз шелковым платком, она величественным жестом велела придворным дамам подать стулья для всех четверых гостей.

Наследной принцессе было прекрасно известно о тех грязных кознях, что в свое время строила тетушка Ся, а потому к ее отпрыскам она не испытывала ни малейшего расположения. Хотя Лин Сюань и Лин И тоже приходились ей дальними родственниками по линии кузена Лин Жусюэ, это блеклое родство не шло ни в какое сравнение с кровной привязанностью к детям ее любимой покойной сестры.

Тем не менее, не желая давать повод для пересудов о своей пристрастности, она пригласила во дворец всех четверых.

Когда служанки поднесли гостям чай и изысканные лакомства, принцесса сделала глоток, вернув себе прежнее невозмутимое величие, и ровным голосом произнесла:

— Слышала я, Лин Сюань уже получил государственную должность? Какая похвальная целеустремленность.

Эти слова заставили Лин Сюаня внутренне содрогнуться. Что скрывалось за этим вопросом? Искренняя ли похвала, тонкая ли насмешка над тем, что его должность была попросту куплена отцом, или же скрытый упрек в том, что семья до сих пор не позаботилась о будущем законнорожденного Лин Сяо? Разум Лин Сюаня лихорадочно искал верный ответ. Мысленно проклиная свою участь, он низко склонился:

— Лишь благодаря усердию моего отца вашему слуге удалось пристроиться на службу. Ничтожное достижение, не заслуживающее упоминания.

Должность секретаря шестого ранга Министерства доходов и впрямь была пустяковой, так что принцесса лишь согласно кивнула. Затем она повернулась к Лин Чжи и мягко спросила:

— Дитя мое, я только сейчас заметила: что за дивное украшение в твоих волосах? Мне доводилось видеть немало драгоценностей, но подобной работы я не встречала.

Лин Чжи невинно улыбнулась:

— Мой второй брат сам нарисовал этот узор, а по нему уже выковали заколку. Я ношу ее каждый день, почти не снимая.

Лин Сяо тихонько рассмеялся и ласково поддразнил сестру:

— И то правда. Пока я не нарисую для нее новый узор, она ни за что не снимет прежний. Носит с утра до вечера, словно у нее во всем доме только одна эта шпилька и осталась.

Наследной принцессе было приятно видеть такое согласие между братом и сестрой. Она с теплотой заметила:

— У нашего Сяо-эра поистине золотые руки! Тот чертеж боевого лука, что ты подготовил несколько лет назад, заслужил величайшую похвалу от самого императора.

От этого приторно-ласкового «Сяо-эр» плечи Лин Сяо невольно передернуло, но он лишь поспешно улыбнулся:

— Тетушка, вы снова подшучиваете надо мной.

Принцесса рассмеялась и жестом приказала придворной даме принести подарки. Перед ними поставили два ларца: один — со вставленными в золотую оправу камнями «кошачий глаз», другой — с отборным восточным жемчугом.

— Изначально я собиралась одарить тебя готовыми украшениями, — с улыбкой проговорила тетушка, — но, увидев твою заколку, устыдилась простоты дворцовой работы. Возьми этот жемчуг и самоцветы, пусть твой брат нарисует узор, а мастера скуют для тебя новые шпильки. — Она весело подмигнула Лин Чжи: — Да смотри, как сделают что-нибудь совсем уж необыкновенное, не забудь отправить безделицу и своей тетушке!

Лин Сяо и Лин Чжи поднялись со своих мест и поклонились в знак благодарности. Вслед за этим принцесса одарила и остальных двоих детей: Лин Сюаню преподнесли такие же дары, как и Лин Сяо, а Лин И получила подарки, равные по ценности подношениям для Лин Чжи.

Поглядывая то на Лин Сяо, то на Лин Сюаня, принцесса размышляла о делах семьи Лин, кои знала досконально. Пусть Лин Сюань занимал лишь незначительную должность шестого ранга, в глазах посторонних людей это выглядело так, будто в доме маркиза Шоукан безродного бастарда ценят куда выше законного наследника.

Наследная принцесса задумчиво коснулась нефритового браслета на левом запястье.

«Я ни за что не позволю отпрыску этой жалкой наложницы Ся возвыситься над сыном моей родной сестры!»

По сравнению со своей покойной сестрой, Вэй Хуа была истинной баловницей судьбы. Со дня замужества ее жизнь в покоях второго принца протекала безмятежно. Даже когда супруг получил титул князя Цзина и переехал в собственное поместье, а число его наложниц стало

стремительно расти — ведь некоторых жаловал сам государь, других преподносили подобострастные чиновники, и отказывать им было не след, — ее положение оставалось неизблемым. Хоть в гареме князя Цзина и хватало хитрых лисиц, тот за все годы так и не возвысил ни одну из них до звания младшей супруги. Но самым удивительным было иное: все четверо сыновей и две дочери князя, ныне ставшего наследным принцем, были рождены его законной женой!

В столице порой шептались, уж не ревнивая ли принцесса изводит соперниц ядом да заговорами, однако подобные слухи были чистым наговором. Супруг регулярно посещал покои наложниц, но ни одна из них так и не смогла понести. Принцесса подозревала, что такова была воля самого наследника. Стремясь к заветному престолу, он шел на любые жертвы. Слишком хорошо зная, каково это — расти в окружении многочисленных братьев от разных матерей, непрестанно враждующих между собой, он попросту избавил свою семью от угрозы появления незаконнорожденных детей. Вэй Хуа же, пользуясь неизменной благосклонностью мужа, благополучно подарила ему шестерых наследников.

Наслаждаясь любовью супруга, принцесса втайне восхищалась его дальновидностью: их дети никогда не станут грызться за власть, как это делали их отцы. Однако в те дни новоиспеченный наследник престола еще не осознавал, что кровавая бойня, свидетелями которой на протяжении долгих лет были его собственные сыновья, уже наложила неизгладимый отпечаток на их юные души. В борьбе за верховную власть узы единой утробы значат ничтожно мало — но это покажет лишь время.

Для принцессы все четверо сыновей были одинаково дороги. Задумав нечто важное, она ласково обратилась к Лин Сяо:

— Сяо-эр, как продвигаются твои занятия словесностью? Легко ли тебе даются сочинения в последнее время?

Лин Сяо смущенно улыбнулся:

— Увы, похвастаться нечем. Наставник и сам частенько корит меня за недогадливость.

— Глупости! — принцесса ласково погрозила ему пальцем. Разве мог ее племянник быть глупцом? — Должно быть, ваш наставник попросту бездарен. У меня возникла мысль: не желаешь ли ты войти во дворец в качестве соученика одного из императорских внуков? Что скажешь на это?

И Лин Сяо, и Лин Сюань замерли от неожиданности. Императорские внуки — это будущие великие князья, а один из них со временем непременно займет трон Поднебесной! Компаньонов для царственных отпрысков всегда отбирали с величайшей строгостью. Хоть эта должность соученика и не имела официального чиновничьего ранга, никто в империи не смел смотреть на нее свысока. Когда принцы вступали во взрослую жизнь, их бывшие соученики неизменно становились ближайшими советниками и доверенными лицами, ведь дружба, зародившаяся за чтением канонов, не имела цены. Для любого юноши это был верный путь к

вершинам власти.

Лин Сяо с малых лет пользовался благосклонностью принцессы, и подарить ему столь завидную долю для нее не составляло труда. Это не только возвысило бы память о ее покойной сестре, но и позволило бы племяннику учиться у лучших мудрецов Поднебесной. К тому же принцесса нисколько не сомневалась, что супруг одобрит любое ее решение.

Лин Сяо, разумеется, не собирался упускать столь редкую возможность. Он с готовностью ответил:

— Премного благодарен тетушке за проявленную милость.

Принцесса довольно улыбнулась и добавила:

— Коль так, позволь мне оказать тебе еще одну услугу. Перед тобой четыре императорских внука. Выбирай сам: чьим соучеником ты желаешь стать?

Извечно царственные особы сами выбирали себе приближенных, и то, что принцесса позволила Лин Сяо сделать выбор самому, красноречиво говорило о ее безграничной любви. В глазах юноши промелькнул живой блеск, и он почтительно произнес:

— Я прослышал, что в нынешнем году четвертый императорский внук, Чу Иянь, также должен поступить в Академию Наставления в Вере. Ваш ничтожный племянник не отличается выдающимся умом, но желал бы преданно служить именно ему.

Принцесса никак не ожидала, что выбор падет на шестилетнего Чу Ияня. Предлагая племяннику право выбора, она была уверена, что тот укажет на старшего внука, Чу Ицзиня. Тот отличался исключительным умом и пользовался особой любовью наследного принца — служба при нем сулила куда более завидное будущее.

Расправив широкие рукава парадного платья, принцесса коснулась коралловой шпильки в своей прическе и мягко заметила:

— Хоть у троих старших внуков уже есть соученики, это поправимо. К примеру, подле Ицзиня усердствуют сразу двое юношей.

Лин Сяо кротко улыбнулся:

— Ваш племянник полагает... раз четвертый внук еще совсем мал, то и уроки его будут не столь суровыми. Слезно прошу тетушку исполнить это скромное желание.

Уроки старого маркиза не прошли даром: Лин Сяо не испытывал ни малейшего желания

втягиваться в будущую грызню за власть между подрастающими наследниками. Четвертый императорский внук был еще совсем дитя, а значит, оставался самым безопасным и разумным выбором.

Наследная принцесса невольно рассмеялась, но, видя искреннее нежелание племянника менять свое решение, согласно кивнула:

— Пусть будет так. Иянь — послушное дитя, он непременно полюбит тебя. — Повернувшись к придворной даме, она велела: — Приведите четвертого внука. Передайте ему, что для него нашли славного соученика, пусть придет и познакомится.

Вскоре несколько придворных дам ввели в зал упитанного круглолицего малыша. Следом за ним шел отрок, бывший немногим младше Лин Сяо. Мальчики чинно поклонились принцессе, приветствуя ее. Та с улыбкой обратилась к старшему из них:

— И Фэн-эр пожаловал. Как раз вовремя: к нам в гости пришли дети твоей тетушки, познакомься с ними.

После взаимных приветствий Лин Сяо с любопытством оглядел своего подопечного. Шестилетний Чу Иянь, забавный толстячок, узнав, что перед ним стоит его будущий соученик, пришел в неописуемый восторг. Он подбежал к Лин Сяо, ухватил его за полу одежды и весело залепетал:

— Значит, отныне мы будем играть вместе! Обещаю делиться с тобой всеми самыми вкусными сладостями, что мне приносят!

Гости и принцесса дружно рассмеялись. Стоявший позади малыша отрок был вторым императорским внуком, Чу Ифэном. В свои тринадцать лет этот юноша питал непреодолимую страсть к воинскому делу и с десятилетнего возраста находился под началом своего дяди, великого генерала Вэй Чжэнфу, проходя суровую закалку в армейских походах. Его привлекательное лицо дышало благородством и отвагой, а во взгляде светилась искренность, столь редкая для изнеженных придворных отроков. Едва завидев Лин Сяо, Чу Ифэн широко распахнул глаза и с нескрываемым восторгом выпалил:

— Лин Сяо! Я знаю, кто ты! Те новые армейские луки, что теперь поставляют в наши войска, были улучшены по твоим чертежам! Благодаря тебе их точность и дальноточность выросли в разы! Это ведь твоя заслуга!

Глядя на этого пылкого юного воина, Лин Сяо почтительно поклонился и мягко возразил:

— Второй молодой господин слишком щедр на похвалу, ваш слуга не смеет приписывать себе эти лавры.

— Ох, я ведь и не ведал, что ты придешь, и совсем не подготовил для тебя подарка... — С малых лет живя среди простых воинов, Чу Ифэн прекрасно понимал истинную ценность хорошего оружия, а потому теперь, со всем простодушием, не знал, как выразить свое восхищение. Пошарив за пазухой, он после долгих поисков извлек великолепную нефритовую подвеску. Согласия и с улыбкой протянул ее Лин Сяо: — Третьего дня императорский дедушка наградил меня ею за успехи в искусстве фехтования. Он наказал мне подарить ее тому, кто придется мне по душе. Ты мне очень нравишься, так что прими этот дар! Сам я мало смыслю в подобных вещах, но знающие люди уверяют, что это редчайший нефрит.

Лин Сяо принял подвеску и, внимательно рассмотрев ее, почувствовал, как к щекам прилил жар.

«Ну и простофиля же ты!»

Камень действительно был бесподобен: квадратная пластина размером в два цуня, чистейшая, без единого изъяна, сочного, почти влажного травяного цвета. Вот только на ее поверхности был искусно вырезан ажурный узел Согласия. Рисунок выглядел строго и изысканно, но любой человек с первого взгляда понял бы, что подобные дары преподносят лишь возлюбленным!

Лин Сяо, всегда считавший себя человеком неробкого десятка, не на шутку смутился. Заметив его замешательство, принцесса протянула руку, взяла подвеску и, едва взглянув на нее, весело рассмеялась. Повеселившись от души, она ласково кивнула племяннику:

— Раз уж он дарит тебе эту вещицу от чистого сердца, бери и не отказывайся.

Чу Ифэн так и не понял, какую оплошность совершил. Выросший в военном лагере, он не смыслил в тонкостях придворного этикета и, видя, как веселятся окружающие, лишь добродушно улыбнулся в ответ.

Отсмеявшись, наследная принцесса проговорила:

— Ну полно, время уже позднее. Я бы хотела, чтобы Чжи-эр погостила у меня несколько дней, а вам пора возвращаться в поместье.

С этими словами она одарила юношей еще множеством драгоценных подношений и велела верным евнухам бережно проводить гостей до самых ворот.